

“АЛМАЗ ШЛИФУЕТСЯ АЛМАЗОМ...”

Поэт и литературовед Лев Озеров, написавший в свое время предисловие к одному из стихотворных сборников Сергея Поделкова, высказал там такую мысль: “Замечено, художники, прожившие тяжелую жизнь, меньше всего склонны к меланхолии и тоске. Познав суровость жизни, они еще сильнее любят ее и славят ее”.

Суждение это могло бы стать эпиграфом к долгому творческому пути Сергея Александровича Поделкова (1912–2001 гг.), столетний юбилей которого отмечается нынешней осенью.

Он родился 21 сентября 1912 года в деревне Песочне Лосинской волости Калужской губернии в доме деда Михаила Евлампиевича – человека словоохотливого и неистощимого на выдумки. Дед знал множество сказок, поверий, присловий, занимательных небылиц и рассказов о том, как “жили-поживали” в прежние времена.

Быть может, именно от него будущий поэт унаследовал тягу к истории, которая позже нашла свое отражение во многих его стихах и поэмах.

Отца своего Александра Михайловича Сергей Поделков в раннем детстве почти не видел. В 1914 году тот ушел на войну, вскоре оказался в германском плену, но каким-то чудом ухитрился бежать и летом восемнадцатого года, изрядно поколесив по чужим городам и весям, в конце концов объявился в Кieve, где временно обитала тогда у своих родственников его жена Елена Семеновна с шестилетним Сережей.

Отец приехал не с пустыми руками. Он подарил сыну букварь, хрестоматию, цветную бисерную ручку и набор карандашей. К тому же оказался хорошим и терпеливым учителем: с его помощью Сергей в короткий срок научился читать, писать и овладел четырьмя арифметическими действиями.

Спустя полгода семья решила перебраться в родные места. В декабре восемнадцатого с большим трудом сквозь фронт добрались до Москвы. Отец устроился в Замоскворецкий трамвайный парк, где работал еще до войны. Но жить было не на что, и вскоре Сергей вновь оказался в Песочне, у своего любимого деда.

“Дед сплел мне аккуратные лапти и свил к ним тонкие оборы, – пишет в своих воспоминаниях С. Поделков. – Мне еще и семи лет не было, когда однажды, в сенокосную пору, дед посадил меня на лошадь, дал в руки повод и сказал: “Серый уморился, хочет пить, поезжай на речку и напои. Не бойся, если что – держись за холку”. Так я впервые выполнил важное хозяйственное поручение и почувствовал, что конь меня слушается.

У меня были свои грабли, а в сенокос 1920 года дед наладил мне маленькую косу и научил косить траву. На делянке он уходил от меня вперед, и от взмахов его полуторааршинной косы тянулся зелено-пенный вал, а потом снова начинал прокос и, постепенно настигая меня, сердечно покрикивал: “Налегай, внук, а то пятки подрежу!..”

А по вечерам – чтение при горящей лучине, воткнутой в светец. Хрестоматию он читал и перечитывал, по собственному определению, “с какой-то чудесной болезненной одержимостью”. Исторические рассказы об Иване Грозном и Петре Первом, о нашествии Наполеона, о Смутном времени, о Дмитрии Донском и, конечно же, – роман А. К. Толстого “Князь Серебряный”, который в один из приездов в деревню привез ему отец.

Осенью 1921 года жизнь семьи неожиданным образом резко изменилась. Незадолго до этого Александр Поделков вернулся из Сибири, где вместе с другими “ходоками” облюбовывал на плодородных землях Алтайского края место для будущей сельскохозяйственной коммуны. Месте такое было найдено – неподалеку от села Шахи, где решено было отстроить новый поселок Калужка. Именно туда, наскоро собравшись, и отправились из Москвы двадцать шесть рабочих семей, получив огромный массив целинной степи, по пяти десятин на душу.

С той поры и началась сознательная трудовая жизнь Сергея Поделкова. Он помогал родителям буквально во всем: пахал сакковским плугом целину, боронил, косил, жал пшеницу в лунные ночи, чтобы зерно не осыпалось, управлял лошадьми, когда хлеба убирала жаткой или лобогрейкой. Бывая с отцом в древнем бору, валил сосны для постройки дома и двора. С терпением и стойкостью выполнял все порученные ему работы. А в зимнее время учился в девятилетке в большом районном поселке Павловске, где на уроках литературы негаданно открыл для себя неохватное богатство отечественной словесности, русской поэзии.

Появилось у него и серьезное увлечение – театр. Сергей записался в драматический кружок, где просил у руководителя, бывшего актера Малого театра Николая Базанова, чтобы тот давал ему роли со стихами.

Алтай подарил подростку множество ярких впечатлений, неведомых прежде звуков и красок, образная россыпь которых не раз будет сверкать в его памяти. Глухой рев болотных выгей, ржание лошадей, волчи огни под окнами в снежные ночи, лето с ястребиными кругами в небе и короткими переборами девичьих частушек – все это позже как наяву возникнет в его произведениях.

На Алтае, впрочем, Поделковы не прижились. Тянуло в среднюю Россию. Отец получал письма от друзей из Замоскворецкого трамвайного депо и все чаще грустил. Наконец не выдержал и в 1926 году без всякой жалости продал за бесценок (лишь бы продать) дом, лошадей, корову, и вся семья вернулась в пеструю и шумную Москву, где “ходуном ходил нэп”.

Жизнь в столице для четырнадцатилетнего Сергея началась с учебы в ФЗУ и работы ткачом на фабрике “Ливерс”. Но тяга к сцене не покидала, и он почти сразу же записался в юношескую секцию в клубе трамвайного парка, став синеблузником.

Секция издавала и свой рукописный журнал. Вскоре его редактор, клубный художник Н. Конев, зная, что Поделков любит поэзию и хорошо читает стихи, попросил его дать для журнала два-три своих стихотворения. Дабы не ударить лицом в грязь, нужно было спешно что-то сочинять.

Прежде он никогда стихов не писал. Пришлось изрядно покорпеть, зато в итоге на первой странице очередного номера журнала (с рисунками самого Н. Конева!) появились два стихотворения Сергея Поделкова – “Алтайская степь” и “Море”, которого он, к слову сказать, никогда не видел.

Произведения начинающего автора получили одобрение редактора и вызвали шумную похвалу сверстников. Волей-неволей надо было поддерживать репутацию стихотворца, и Сергей с удвоенной энергией набросился на поэзию. Тут же была проштудирована книга А. Крайского “Что нужно знать начинающему писателю”, ритмические изыскания Г. Шенгели, статья В. Маяковского “Как делать стихи”.

Сидя по ночам в коридоре рабочего общежития, где столом и креслом служили две табуретки, он учился рифмовать приходящие на ум строки, подыскивать нужный размер, нестандартные образы и сравнения. А потом было медленное восхождение, пристрастный выбор учителей (Н. Тихонов, Э. Багрицкий, В. Луговской), беготня по поэтическим вечерам, публикации в многотиражах, затем – в тонких и толстых журналах. Словом, долгий и тернистый путь в литературу.

Главными вехами на этом пути стали литературное объединение при журнале “Огонек” и творческий вечер в издательстве “Молодая гвардия”. Литобъединение дало русской поэзии несколько сильно прозвучавших имен – Сергей Михалков, Лев Ошанин, Сергей Васильев, Ярослав Смеляков...

В 1933 году “Молодая гвардия” совместно с ЦК ВЛКСМ устроила творческий вечер молодых поэтов – А. Коваленкова и С. Поделкова. Вечер удался, и уже спустя несколько дней Сергей Поделков получил от издательства предложение выпустить стихи отдельной книжкой.

Первый его сборник – “Стихи о войне, о славе, о любви” – увидел свет в 1934 году. Вскоре он был принят в Союз писателей, сдал в производство вторую книгу стихотворений и поэм, но в июле тридцать шестого грянул гром – Сергею Поделкову был нанесен неожиданный и точно рассчитанный удар.

Клеветнический донос, исключение из комсомола. Затем – Лубянка, допросы, Ухтопечлаг...

На севере России, в Печорской тайге ему довелось быть и лесорубом, и землекопом, и сплавщиком, когда нужно было на плоскодонных шняках перевозить по Ижме различные грузы. За пайку хлеба и миску баланды приходилось порой выполнять каторжные работы. Но суровая родная земля, с детства приучившая ходить за плугом, – помогала. Он выдюжил. Выжил. И, вернувшись из края “отчаянья и одичанья”, выдохнул такие строки:

*Я возвратился к самому себе,
и чудится: крыльцо с навесом низким,
и дым отечества в печной трубе
блаженно пахнет хлебом материнским;
сыпь ржавчины осела на скобе,
вздых, затаенное движенье двери...
И я стою, своим глазам не верю —
я возвратился к самому себе...*

Недолгой была эта передышка, возможность всласть надышаться почти позабытыми запахами. Через год с небольшим грянула Великая Отечественная...

Сергей Поделков воевал рядовым бойцом на Волховском и Калининском фронтах, под Ржевом и Витебском. Сапер, пулеметчик, понтотер, он прошагал множество фронтовых дорог – в составе 106-го отдельного понтонно-мостового батальона принимал участие в штурме Восточной Пруссии, брал Тильзит и закончил войну в Кенигсберге.

Стихов о войне у него сравнительно немного, но они дают зримое представление о солдатском труде, поте и крови. Отголоски войны слышатся и в его “Героическом триптихе” о жизни и гибели Героя Советского Союза Юрия Смирнова, в поэмах “Власть сердца” и “Поле жизни”.

Как-то С. Поделкову задали вопрос, почему он так мало написал о войне. С присущей ему прямоотой и открытостью он сказал, что поэт не должен ограничивать себя какой-то одной, пусть даже чрезвычайно важной темой:

“Я прожил большую и трудную жизнь, и война для меня явилась только продолжением испытания моей воли и моего духа. Пройдя ее, хлебнув с избытком ее кровавого варева, я глубоко убедился, что она только страшная аномалия жизни, и ее краски (черная, серая, кроваво-красная) слишком бедны, чтобы ими пользоваться постоянно.

А краски жизни – безграничны, безмерны, и я старался в своей поэзии передавать многокрасочный, многозвучный бег жизни...”

Многокрасочность и многозвучность – эти неотъемлемые свойства поэзии Сергея Поделкова не могут не притягивать читателя.

Поиску непривычных оборотов и сравнений, стремлению создавать из разных пластов языка новые словесные соединения он уделял особое внимание. Этому старался учить и молодых писателей, участников всевозможных творческих семинаров, студентов Литературного института имени М. Горького, где вел занятия два с лишним десятилетия.

* * *

Мне довелось более полувека знать и близко общаться с этим большим русским поэтом. С Поделковым был дружен мой отец – Константин Иванович Поздняев.

Судьба свела их вскоре после окончания войны. Отец работал тогда ответственным секретарем газеты “Красный воин” Московского военного округа и одновременно заведовал отделом культуры. В редакции регулярно проходили “Литературные среды”, на которых читали свои новые произведения вчерашние поэты-фронтовики. Неоднократно выступал на этих “средах” и Сергей Поделков.

В отцовском архиве сохранилось письмо С. Поделкова, датированное 26 сентября 1947 года:

“Костя, дорогой мой, привет, — пишет Сергей Александрович. — Ты очевидно заждался моего письма. Посылаю тебе начало третьей части поэмы. Вернее, почти половину третьей части. В нее входит и финал.

Сейчас делаю “Объяснение в любви” Степана Тимофеевича. “Октябрь” дал жесткие сроки. Я жму...

Читал в “Комсомолке” вчера кусок новой поэмы Недогонова и прихожу к выводу — мальчик, окрыленный первым успехом, пишет и правой и левой, как бог на душу положит...

Ну, Костенька, пока, дорогой. До встречи. Не обижайся, что коротко пишу... Читай мой финал. Напиши — какво? Твой Сергей”.

В этой коротенькой записке С. Поделков сообщает отцу, отдохавшему тогда в санатории, о том, как идет работа над поэмой “Поле жизни”, которую он готовил к публикации в журнале “Октябрь”. Несколько нелицеприятных слов обронено им и в отношении Алексея Недогонова.

Не знаю, как отреагировал на эту критику отец. Скорее всего, разговор о стихах Недогонова имел свое продолжение: отец уже тогда углубленно изучал творчество этого поэта и спустя несколько лет написал о нем книгу.

Сам начинавший со стихов, К. Поздныев всю жизнь писал о поэзии — о Павле Антокольском и Ярославе Смелякове, Семене Гудзенко и Ольге Берггольц, Николае Рыленкове и Борисе Ручьеве...

Но, пожалуй, более всего, как критик и литературовед, он сделал для увековечивания памяти своего земляка, Бориса Корнилова: написал книгу о его жизни и творчестве, передал в дар краеведческому музею города Семёнова, где родился поэт, множество ценных архивных документов, не говоря уже о том, что был редактором — составителем доброго десятка его поэтических сборников.

Своя “литературная любовь” была и у Сергея Поделкова. Это — Павел Васильев, чья жизнь оборвалась столь же трагически, как и у Бориса Корнилова.

Стихи двух этих замечательных поэтов в 60–70-е годы обрели новую жизнь на страницах “Литературной России”, главным редактором которой в ту пору был К. Поздныев, а членом редколлегии, курировавшим поэзию, С. Поделков.

Их совместная работа в писательском еженедельнике длилась не один год. Дружили и семьями.

Детские и юношеские годы запомнились мне частыми встречами с сыном Сергея Александровича Сашей Поделковым, который, идя по стопам отца, еще учась в школе, стал посылать свои стихи под псевдонимом Александр Испольнов в различные издания.

Он рано ушел из жизни — не прожив и пятидесяти. Для Сергея Поделкова потеря единственного сына стала на склоне лет тяжелейшим ударом...

Сашу убили в ночь с 30 на 31 декабря 1993 года. Более чем загадочные обстоятельства его гибели до сих пор остаются невыясненными. Дело, как нередко ныне водится, быстро “свернули” — “за недостаточностью улик”. Впрочем, чего иного можно было ожидать от блюстителей “закона” в стране,

*Где вместо силы право —
право силы,
где все и всё — не так...*

Этот беспощадный приговор царившему в 90-е годы повсюду беспределу вынес сам Александр Испольнов — в предсмертном своем стихотворении, написанном за три дня до кончины. Он собирался включить его в свою книжку “Готовься жить”, над которой тогда работал.

В письменном столе остались еще не опубликованные стихи, интересные дневниковые записи, серьезное исследование о творчестве его любимого поэта Николая Гумилева. Но... нужно было кормить семью. Пришлось отложить в сторону рукописи и идти рабочим, точнее — учеником рабочего в одну из неприметных, но весьма преуспевающих фирм.

Не ахти какие деньги успел он там заработать за 6 дней, но, уходя 30 декабря утром из дома, сказал матери, что к Новому году обязательно принесет в подарок трехлетней дочке Машеньке настоящих шоколадных конфет — не каких-то залежалых “сникерсов”, а непременно русских “Мишек” или “Красную шапочку”. Не принес...

Поминали мы Сашу на следующий день после Рождества Христова, 8 января, в доме у его родителей. Вспоминали Сашины строчки, кто-то, повинувшись неясному, но настойчивому зову, начинал вдруг читать свои – спешил сказать неушедшей куда душе самое сокровенное...

Читал свои стихи и Сергей Александрович Поделков:

*Алмаз шлифуется алмазом,
Строка диктуется строкой...*

Эта чеканная поэтическая формула С. Поделкова, врезавшаяся мне в память с юношеских лет, в тот январский скорбный вечер, когда мы прощались с его сыном, неожиданно открылась новой гранью, обрела особый смысл.

... Когда мы уже расходились с поминок, Сергей Александрович вдруг обронил:

– А я ведь думал, что смогу закончить свою поэму “Этап”. Сложил ее в голове еще в конце тридцатых, в лагере. Не записывал, конечно. Недавно вот стал восстанавливать по памяти. Ну да теперь, после смерти Саши, вряд ли что получится...

И он бессильно махнул рукой.

Я, помнится, как мог, пытался его ободрить, хотя, по правде сказать, глядя тогда на старого, больного поэта, придавленного страшным горем, подумал про себя: “Нет, не выдюжит. Хоть и мастер своего дела, этот “Этап” ему уже не одолеть...”

В последующие месяцы я старался по возможности чаще бывать у Поделковых. Вместе с матерью Саши, Ольгой Александровной, самоотверженной хранительницей семейного поэтического очага, мы перебирали его архивы, потом грустили под чаек, слушая, как в соседней комнате тихо постукивает пишущая машинка Сергея Александровича.

Спустя примерно год у меня дома раздался телефонный звонок, и я услышал в трубке бодрый голос Поделкова:

– Андрей, вы не могли бы к нам заехать на часок? Я ведь почти завершил “Этап”, хочу почитать вам последние главы. Кстати, вы не помните, откуда эта фраза: “Аще сии умолчат, камения возопият”? Хочу поставить ее эпиграфом к поэме...

На следующий день я слушал заключительные строфы поэмы, начатой С. Поделковым в 1937 году в республике Коми и окончательно восстановленной в 1994 году в Москве:

*Взглянув на покойника
с тайной тревогой,
он перекрестился,
тоской озабочен:
“Не первый убит,
не последний... Их много.
Нам слышатся выстрелы
днем, чаще ночью”...
И некуда больше
России податься,
владеют захватчики
далью широкой...
Его хоронили
на старообрядском
погосте,
под белой березой-рассохой...*

Поэма С. Поделкова “Этап” так и не была опубликована. Сергей Александрович дорабатывал, доводил, дошлифовывал ее едва ли не до конца своей жизни – до марта 2001 года. Впрочем, большинство ее глав, судя по чистому – без единой правки – авторскому экземпляру, он сам считал полностью законченными. Одну из них хочется предложить вниманию читателей.

Андрей ПОЗДНЯЕВ

ЭТАП

ЛАГЕРНАЯ ПОЭМА

(Отрывок)

*Когда ты сошел с парохода в Усть-Выме,
почувствовал в сердце одышку, усталость..
Ты медленно тронулся вслед за другими —
гудящими зэками... Что с тобой случилось?
Путь горя! Тут двигались люди печально
и умерли... Нет и не будет поминок.
Ты тоже, как те, с вещмешком за плечами,
ступил после сонма сапог и ботинок.
Тайга отворяла седые ворота,
по небу металась высокая хвоя,
и между стволов извивалась дорога,
и сбоку — шли мертвые лица конвоя.
А мысли кружились, в былое светили,
а мысли вились, как осенняя копоть,
а тело в огне будто плавилось в тигле:
ты ранен в бою на валу Перекопа.
А мысли врывались — стремительней вихря,
а мысли по кругу, как бег в карусели,
и боль вызывали, как острые иглы:
на грудь — раскаленную пытку надели.
А — Коган!.. А пытка-то длится и длится.
Он бил по глазам револьвером, неистов.
Он, маленький Коган, срывая петлицы,
кричал тебе:*

*“Блядь... Ты продался фашистам!..
В записках твоих упомянут Шалапин...
Связь с контрой!..
Подписывай, — что продиктую!..”
И гневная накипь, и окрик внезапен,
ожог клеветы раздражался, ликуя.
Пока Тительман, в русской косоворотке,
в пылу — брань помойную с визгом не выльет,
в живот сапогом бьет размахом коротким,
по ребрам, и в челюсть, и в зубы — навывлет.
Палач ухмыльнулся, мгновенно ликуя...
Но ты — ложь закрепощивал, подпись не ставя.
Ты выжил в застенке. И в пору глухую,
истерзанный, брел в человеческой облаве.
Кусты шелестели от взрывов норд-оста,
и зэки устало месили дорогу,
минуя бараки, вблизи Княж-Погоста;*

им души томила больная тревога.
Стоймя отцветала слепящая пижма,
к подножиям бора срывались шишки...
Бок о бок — заборы с колючкой недвижимой,
стоят часовые на лагерных вышках.
А лето облезло, рассеяно лето,
и дождь просыпался, накрапывал дюже,
зима зачиналась — по разным приметам,
порой незаметно смерзались лужи.
А там — за устоями листовниц голых,
угрюмо застывших, как черные вехи,
из тучи, накрывшей за волоком волок,
посыпались густо мохнатые снеги.
А в смеси заоблачной — перед глазами, —
слегка нарастая, накатывал ропот,
и, фосфоресцируя, лес будто замер,
крылатая молния встала, как штопор.
Туман в головах и снѣги на шапках,
виски запуржило, бегуче — предзимье.
Этап торопили. И, кутаясь зябко,
пытались избавиться от нестерпимья.
Дорога крутилась: сползала со спусков,
то в гору подскочит, то сделает локоть,
то вишь развернется,
то сдвинется узко, —
а люди, друг к дружке,
как сдвинуты током.
Деревья распались, и поле лежало
под снегом синевшим,
и край будто снился!..
И тонкий ручей, как змеиное жало,
замедленно тек и слегка шевелился.
Равнина виднелась без ям и расселин,
укрыта снежком, как опутана ложью.
И три нефтеносные вышки висели,
как в дымке,
с навалом хламья у подножья.
И вновь поворот по скользящему спуску,
и сосны на кручах назад уплывали.
Овраг. Заключенные. Трое их, русских, —
чугунную бабую сваю вбивали.
Их путь пролегал по побѣрежью Ижмы.
А волны ломались о гребни и лбища,
два парня вели шняг по руслу подвижно,
с бортов — упираясь шестами о днище.
И зэки спустились в долину зазимья,
река изгибалась заливами часто;
им мнилось: кругом все обложено синей
тоской, беспросветьем
и камнем клыкастым.
Они обогнули Чибью перед ночью.
Тут жил, пановал старый жулик, во благо
чекистов,
чье скопище с норовом волчьим...
Ты, Янкель Мороз, бог — над Ухтопечагом!
“Народа враги” — ажно волосы дыбом!
Ты гнал неповинных в морозы сухие —
с киркой и лопатой,
гнал в мареве гиблом, —
“подохнут одни, так придут другие...”
О хищник Мороз! И прицельная пуля —
враз — срежет тебя
для подземного праха...

Но сквозь лихолетие, в сумрачном гуле,
ведут их конвои на гиблую плаху.
А версты усталые стали длиннее,
как будто бы в гору, и круто пологи,
а Ижма осталась вдали, стервенея,
и волн — жалюзи проползали пороги.
Тьма-тьмуца.
Всплески костров на стоянке.
И звезд не видать. Облаками их стерло.
И зэки, насытаясь бурдой из овсянки,
соленой треской, обжигающей горло,
стелили — на пепле горячем — лежанки,
и спали на хвое, нырнув в сновиденья...
Что снилось?
Худым, обездоленным, жалким, —
удары — и вскрики, и беглые тени.
Как короток сон. Ну, какой-то огарок...
Вместилище пыток,
зыбь судорог — в ранах...
Их будят конвойные: лаем овчарок.
Встают — и едят. И вперед — спозаранок.